



ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 130.2/96

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: СТАТЬЯ 3. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ СУБКУЛЬТУР ДЕТСТВА И ЮНОСТИ (АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНИЕ ВЕКА)

М. М. БЕЛОУСОВА¹⁾
О. В. КОВАЛЬЧУК²⁾
В. П. РИМСКИЙ³⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail: belousova@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru

³⁾ e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

В данной статье авторы продолжают оригинальное исследование культурной эволюции феноменов детства и юности, рассматривая их как специфические исторические субкультуры, рожденные и существующие в конкретных культурно-цивилизационных системах античности и средних веков.

Ключевые слова: античная пайдейя, христианское воспитание, субкультуры детства и юности, субкультурные коды, возрастные символизации, поколенческая культурно-историческая динамика, институты культурного обновления и инновации.

Еще большее место, чем в архаических обществах, *субкультуры детства и молодости*, не только их концептуально-символические, но уже и понятийно-теоретические коды (философские формы осознания) занимают в греко-римской, античной цивилизации, которая прямо *вращивает, возделывает ребенка и юношу*. Ведь, собственно, термин «культура» в античности отражает не только обработку земли, но и культуру пайдейю, культуру «возделывания», воспитания и обучения подрастающего поколения. «Пайдейя (греч. pais – ребенок), в первую очередь воспитание и образование детей, затем вообще образование: гармоничное телесное и духовное формирование человека, реали-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 09-03-55309 а/Ц) и развивает идеи, изложенные в ранее опубликованных статьях: Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. *Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках: Культура и субкультура. Статья 1.* // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41; Белоусова М.М., Ковальчук О.В., Римский В.П. *Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках: Статья 2. Генезис и эволюция субкультур детства и юности* // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (79). – Вып. 12. – Белгород, 2010. – С. 25-36.



зующее все его способности и возможности»¹. Симптоматично, что в отечественной словарной традиции только в «Новой философской энциклопедии» мы находим это понятие, вписанным в философский категориальный тезаурус, как «означающее универсальную образованность (ср. лат. *humanitas* – вселенская образованность как существо человека)», и дополненным смыслом «культуры».² Об этом писал и Ф.Х. Кессиди: «Пайдея (*paideia*) – слово, обозначающее одновременно «воспитание», «обучение», «образованность», «культура», «просвещение» и т.п. Непосредственным условием становления греческой пайдеи явилось письмо»³. Линейное письмо не только определило отрыв античности от цивилизаций восточного типа, но и обусловило необходимость в обучении грамоте, столь необходимой в функционировании греческого полиса и становящейся демократии.

Пайдея в античности обращена, прежде всего, к молодежи (образование распространялось, разумеется, в основном на мальчиков и юношей) и имела своей воспитательной целью формирование человека, обладающего добродетелью (*арете*), т.е. *добродетельного человека*. В.М. Розин совершенно справедливо отмечал: «Каждая культура – древняя, античная, средневековая, Нового времени – открывалась своеобразным «проектом нового человека»... Поскольку в каждой культуре семиотический процесс существенно менялся (что не исключает переосмысленных заимствований из предыдущих культур), *менялись и психика, и телесность человека*».⁴ Уже в раннегреческой философии⁵ мы встречаем четко разработанную картину *семи возрастов жизни человека*: младенец (до 7 лет), отрок (до 14 лет), юноша (до 21 года), молодой человек (до 28 лет), мужчина (до 50 лет), пожилой мужчина (до 56 лет) и старик (после 56 лет). Как известно из литературы по истории педагогики, в античности существовала и четкая возрастная динамика в образовании и воспитании человека: система античной Пайдеи строилась в соответствии с выше приведенной иерархией возрастов. Только период эфебии – военной службы и инициации юношей – несколько конкретизировал эту возрастную таблицу, так как проходил с 18 до 21 года.

Этой возрастной стратификации и связанным с ним воспитанием и образованием не противоречит тот факт, что в классической античности брак мог заключаться в возрасте 12-15 лет для женщины, а для мужчины на 10-15 лет позже – в возрастном диапазоне около тридцати лет (до этого он мог не только воевать и участвовать в политической жизни, но и получать философское и риторическое, «высшее», образование). Возраст *акмэ* (примерно 40-45 лет) считался периодом наивысшего расцвета, и ему греки уделяли очень важное символическое значение. У Платона в идеальном полисе-колонии в этом возрасте заканчивалось обучение «избранных» с золотыми потенциями души философии, и они становились способными к государственному управлению.

Мы видим не только достаточно продолжительный цикл жизни эллина, но и его строгое символически-статусное структурирование. Это не только дискурсивно-концептуальный *проект человека*, но и антропологическая парадигма, осмысленная в логосном дискурсе философской теории. Антропологическим проектом для античности и стал *идеал калокагатии*, «прекраснодоброго» человека, который соизмерял свои поступки с нормами и ценностями полисной жизни, выполняя свою роль в агональном театре античной жизни, наполненной телесными и душевными порывами, стремлением занять *достойное место* в прекрасном, гармоничном макрокосмосе природы и добродетельном мезакосмосе полиса.

Демократическому идеалу калокагатии предшествовал *идеал арете* (доблести и добродетели), обретение которого было доступно первоначально лишь родовой аристократии (от него идет и ее наименование). В. Йегер, А.-И. Марру, А.Ф. Лосев и другие исследователи выделяли в качестве первичной парадигмы воспитания молодого человека

¹ Словарь античности: Пер. с нем. – М., 1989. – С. 406.

² Солопова М.А., Шичалин Ю.А. Пайдея // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 3. – М., 2001. – С. 189.

³ Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. – М., 1972. – С. 25.

⁴ Розин В.М. Человек культурный: Введение в антропологию. – М., 2003. – С. 38.

⁵ Например, в трактате о «О числе 7», который приписывают Гиппократу, а некоторые исследователи относят его к допифагофской поре: Досократики. Дозлеатовский и элеатовский периоды / под ред. А. Маковельского. – Мн., 1999. – С. 16.



старинно-аристократический идеал калокагатии, который предполагал образование «красоты» не как чего-то внешнего и только телесного (хотя и прежде всего внешнего и телесного), а прекрасно-доброе «от природы», природной красоты, передаваемой от предков и включающей такие характеристики как «доблесть», «величие», «благость». «Калокагатии тот, – пишет А.Ф. Лосев, – кто принадлежит к старому, знатному, доблестному, высокопоставленному, величавому, и «благополучному» роду». ⁶ Первоначально гимназии и палестры, в которых мальчики, подростки и юноши из аристократических семей обучались борьбе, владению оружием, терпению и мужеству (но и музыке, танцам), как и ритуальные игры, в которых «спортивный» агон носил мистериально-религиозный характер, мало походило на будущие школы классической античности, а скорее на архаичные инициации.

Особенно наглядно ритуально-религиозная символика инициаций обнаруживается в институте эфебии, который был обязательным для молодых эллинов, которые проходили своеобразную военную подготовку в удаленных от городов и селений местах. А.-И. Марру отмечал, что в эфебиях на первый план выдвигалась не мусическая и даже не военно-спортивная подготовка юношей, а *религиозно-моральное воспитание*: эфебы начинали свою службу с официального посещения городских святилищ и клялись «сражаться за богов и родимый очаг», быть верными «богам отцов», призывали в свидетели весь греческий пантеон». ⁷ Особенно жесткий характер служба эфэбов приобрела в Спарте, где из юношей готовили не только воинов-патриотов, но и приучали к убийствам в кровавых криптиях, карательных экспедициях против илотов.

В Афинах мусические и гимнастические школы в эпоху расцвета объединились в гимназии, своеобразные корпорации учеников, учителей и меценатов-покровителей, а эфебии постепенно включили в себя все больший объем образования, в том числе и философско-риторического, что способствовало созданию своеобразной «высшей школы» по типу платоновской академии.

Именно философия и философы формируют новый, *демократический* идеал калокагатии: «Вместе с этим идеалом, вместе с культурой, которая им вдохновляется, распространяется на широкие массы и все аристократическое образование) которое отныне становится стандартным образованием всякого греческого ребенка». ⁸ Первоначально демократизируется занятие спортом как воинским искусством («бой в доспехах», атлетика, гимнастика) и перестает быть привилегией знати (в ее распоряжении остается дорогой «конный спорт»). Демократичная «спортивная пайдейя» берет на себя воспроизводство древнего арете, но уже как *агональной доблести*, подвига в спортивных состязаниях. Гимнастические и мусические искусства в древней античной школе дополняются обучением грамоте, искусству чтения, письма и счета, создается первая система фактически всеобщего начального образования.

Пайдейя формирует все многообразие полисной личности. Платон выделяет различные типы частичной, полисной личности: «человека аристократического» (аристократия), «человека агонального» (тимократия), «человека олигархического» (олигархия), «человека демократического» (демократия), «человека тиранического» (тирания) и т.д. При этом типы человека он увязывает не только с типами полисного устройства, но и с формами и уровнями воспитания и образования. Платон строго логически систематизирует и инкорпорирует в свою теорию идеального государства (точнее в теорию «идеи государства», «образца государства» – так будет правильнее) то понимание человека и его воспитания в интересах государства, которое в зачаточной форме уже присутствовало в учении и образовательной практике софистов. Система Пайдейи, которую предлагал Платон, была педагогической инновацией и культурной, *классической парадигмой*, которая на столетия определила развитие человеческой цивилизации в сфере воспитания человека. Платон первым предложил и сформировал целостную систему образования одновременно и как «консервативный» институт трансляции традиции, духовно-нравственного воспитания, и как инновационный институт производства и системати-

⁶ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. – М., 1969. – С. 290.

⁷ Марру А.-И. История воспитания в античности: (Греция). – М., 1998. – С. 151-152.

⁸ Там же. – С. 66.



зации знания»⁹. Классическая античность весьма чутка к возрастным символизациям и идентификациям: проблема воспитания детей, отроков и юношей становится доминирующей и в греческой философии, и во всей античной Пайдейе. Итак, античная философия, живая душа Пайдейе, и становится основным *институтом обновления культуры*, привносящим инновации в жизнь полиса, формирует *весьма развитую культуру детства и молодости*.

При этом надо отметить не только положительные архетипы античной системы воспитания и образования, которые в своих парадигмальных формах дошли до наших дней, включены, например, в систему начального образования. В античности складываются и *консервативные стереотипы* воспитания и образования, связанные с культом учителя и репрессивными механизмами подавления инакомыслия учеников. Не здесь ли лежат семиотические истоки формирования молодежной контркультуры именно в антагонизме со школьной и университетской системой образования? Вспомним, что эллинская молодежь, вовлеченная в инновационные механизмы образования, прямо или косвенно, становится носителем не только творческих, но и разрушительных тенденций в античной культуре. Вспомним, что Сократа подвергли обвинению и суду его же молодые ученики, что не было возможным в добрые «старые» времена.

В этом плане стоит внимательнее присмотреться и к тому мало исследованному феномену, что сама античная философия от возникновения до конца часто носила *анти-системный, антикультурный* характер, выступая против религиозно-мифологической традиции толпы. Здесь обнаруживаются и глубинные связи античной философии с народной смеховой культурой: чудоковатый Фалес, вечно глядящий в небо, спотыкающийся, но не забывший погреть руки на первой биржевой сделке; «таинственный» Гераклит и «смеющийся» Демокрит, ироничный Сократ и юродствующий его ученик Диоген – все они совмещают в себе глубинное теоретическое постижение жизни и *антиповедение*, взрывающее общепринятые мораль, традиции и ритуалы. Молодые ученики Сократа, такие как Мелет и Анит, отдавшие его на суд, были большими консерваторами и «стариками», нежелали он сам, этот вечно юный лукавый сатир. «Молодой человек, – писал Э. Эриксон, – может ощущать себя одновременно очень молодым, даже младенцем, и достаточно старым»¹⁰. Противоположным образом себя могут ощущать как старики, так и целые культуры и народы. Средневековые очень часто себя позиционируют как «очень старое» общество, выросшее на мужественных плечах гигантов древности, хотя здесь мы наблюдаем человечество едва-едва вступившим в пору отрочества.

Так или иначе, но именно в контексте устремлений молодежи (или молодых стариков типа Сократа) происходил в античности слом моральных и ценностных установок, что и способствовало формированию *космополитического типа личности*, получившего расцвет в эпоху эллинизма и имперского Рима и подготовившего всемирную победу христианства. Перед *лицом Бога* нет ни эллина, ни иудея, а только человек, обладающий развитыми *личностными* характеристиками.

Но закономерно встает вопрос: была ли в средневековом христианском мире, ощущавшем себя «стариком», столь же развитая, как и в античности, субкультура молодости? Многие исследователи отвечают на этот вопрос отрицательно. Часто опираются при этом на исследования Ф. Ариеса, который, в частности, считал, что в средние века не было даже категории детства (тем самым и юности) как особого качественного состояния человека, что и вело к созданию специфической средневековой «цивилизации взрослых».¹¹ Здесь следует отметить, что наблюдения Ариеса даже на первый взгляд противоречат учению Иисуса Христа: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3). Спаситель неоднократно призывал уподобляться детям, а не воспринимать их в качестве «взрослых».

В евангельских образах мы находим также и *развитый дискурс молодости*. Христос в Евангелиях проходит все стадии взросления и предстает перед учениками в

⁹ См. подробнее: Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдейе к Просвещению. – Волгоград, 2004.

¹⁰ Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. – М., 1996. – С. 179.

¹¹ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 316.



образе молодого человека, почти все апостолы – еще юноши, хотя сами зарабатывают «хлеб насущный» (кто рыболовством, а кто и сбором податей). Эта заповедь, разумеется, обыгрывалась в христианском мире в различного рода религиозно-культурных символизациях: юродивые и монахи-старцы зачастую и вели себя «как дети». В чем же тогда дело? Почему дискурс повседневности, на который ориентируется Ариес в своих исследованиях, противоречит дискурсу религиозно-теологическому?

Во-первых, как в живой ткани реальной жизни западно-христианского средневековья, так и в культурных кодах тесно переплелись языческие, античные и христианские половозрастные представления, символизации и ценности, что в повседневной жизни человека приводило к причудливым их метаморфозам, во многом детерминированных экономической отсталостью новой цивилизации и соответствующим изменением демографической динамики. Исследователи очень часто ссылаются на высокую смертность детей и мужчин-воинов, что приводило к быстрому взрослению человека средневековья и столь же быстрому его уходу из жизни, в молодом возрасте (по нашим меркам!). Однако мы считаем, что не надо идти на поводу среднестатистических данных о возрасте людей в их соотношении со статусно-возрастными символизациями, которые были гораздо сложнее. Тот факт, что средние века «не замечали» ребенка по сугубо демографическим и прагматичным соображениям, а не по культурно-семиотическим «причинам», отмечал и Ж. Ле Гофф: «Прагматичное Средневековье едва замечало ребенка, не имея времени ни умиляться, ни восхищаться им. Да и ребенок часто не имел дедушки – столь привычного для традиционных обществ воспитателя».¹²

Да и среди исследователей имеются и другие мнения на этот счет. «По средневековым представлениям человек, как микрокосм, проходит в своем развитии те же периоды, что и окружающая его вселенная, макрокосм. Этих периодов шесть, и они уподоблены шести дням творения. «Возрасты жизни» включают в себя: детство, отрочество, юность, зрелость, старость и дряхлость (последняя иногда не выделяется – авт.). С современной точки зрения они смещены во времени, так как само общество было демографически молодым. Средняя продолжительность жизни невелика: согласно крайне приблизительным оценкам, она составляла примерно 45 лет для мужчин и 35 – для женщин»¹³. Но такая средняя продолжительность жизни наблюдалась даже в развитых индустриальных странах не только в XIX, но и в XX веке. Значительный рост средней продолжительности жизни в индустриальных странах наблюдается в Европе, США, СССР и других индустриальных регионах *только* во второй половине XX века (когда и начинают исследовать более подробно молодежную культуру, совершая невольную идеологическую модернизацию проблемы!). И опыт нашей страны последних десятилетий показал, как она может быстро регенерировать на уровень доиндустриальный, в том числе и по продолжительности жизни.

Во-вторых, культурно-цивилизационный слом, который сопровождал возникновение христианского мира, предполагал определенную перекодировку не только предшествовавших христианству семиотических систем, но и собственно раннехристианских (евангелических) и патристических, антично-христианских дискурсов, концептов и кодов. Разумеется, «христианский мир» иначе, чем античность или общества модерна, символизировал и осознавал как собственный возраст, что мы уже отметили, так и *возрастные символизации человека повседневности*.

Но это не значит, что в культурно-исторической ткани средневекового бытия не было концептов, субкультур и соответствующих кодов «детства», «отрочества» и «юности». Вспомним развитую средневековую систему образования, где на смену монастырским школам пришли городские, а затем возникли университеты, в которых образование продолжалось до очень зрелого возраста и учитывало всю возрастную специфику человека. В крестовые походы отправлялись молодые рыцари, как правило, младшие сыновья феодалов, которые не получали наследства, а потому постригались в монахи или уходили в военные походы «за гробом Господним», добывая при этом не только спасение и благо-

¹² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992 – С. 268.

¹³ Козьякова М.И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до 20 века. – М., 2002. – С.174.



дать, но и золото, и мирскую славу. Аналогичной была и судьба дружин викингов и русских князей, состоявших сплошь и рядом из сильных молодых воинов, героизированных средневековым эпосом. Как видим, и в средние века были «конфликты поколений». В народной фольклорной культуре средневековья мы обнаруживаем развитую субкультуру детства и молодости, связанную со сложной культурой социализации и воспитания человека. Ранняя социализация человека и взросление юноши средневековья *не отмечают* наличия *поколенческой культурно-исторической динамики* и возрастной стратификации и символизации.

Более того, и в рамках «христианского мира» символизация субкультуры молодости весьма существенно различалась в различных сословно-корпоративных группах и коллективах. Ж. Ле Гофф об этом писал: «Более устойчивыми (чем профессиональные «братства» или половые группы типа вдовствующих женщин – авт.) были возрастные группы, но не те, что умозрительно относились клириками к абстрактным «возрастам жизни», а другие, интегрированные в конкретную реальность, характерные для традиционных цивилизаций, военных и крестьянских обществ. Среди всех возрастных групп несомненной реальностью своего существования выделялась одна – *класс молодежи* (выделено нами – авт.), соответствующий в примитивных обществах юношам, подвергавшимся инициации. Инициацию – ученичество – проходили и молодые люди Средневековья. Но здесь действовали социальные структуры, придавшие этой возрастной стратификации различный характер у воинов и крестьян»¹⁴.

Но Ж. Ле Гофф отмечал в средневековье и своеобразный *перманентный бунт непочтительной молодежи** против отцов: «Нетерпение юных феодалов возбуждалось многими причинами: сокращенный разрыв между поколениями, малая средняя продолжительность жизни и необходимость для сеньора проявлять себя в качестве военного вождя; как только сеньору позволял возраст, он должен был постоянно подтверждать свой статус на поле боя».¹⁵ И если юные рыцари не отправлялись в крестовый поход или грабительский наезд на соседей, то восставали против собственных отцов.

А повод для молодежи всегда не проблема. На то оно средневековье – пора отрочества человечества. Вспомним мальчишеские драки «стенка на стенку» и «один на один», которые существуют до сих пор во всех странах. Сюда же вписываются символические и стилевые стратегии поведения как молодежных уличных банд наших индустриальных и постиндустриальных мегаполисов, так и политизированных объединений молодежи типа скинхедов, российских нацболов и новоиспеченных молодежных объединений в поддержку В.В. Путина. Последние, хотя и были иницированы сверху, но очень быстро по возрастной и культурно-семиотической логике стали себя вести бунтарски, что повлекло их постепенное «закрытие», как только усилились позиции правящей российской элиты.

Был и другой путь культурной реализации младших сыновей феодалов и незаконнорожденных бастардов. Это был путь ухода в монахи. Вспомним, какой переполох вызвало решение Фомы Аквинского, старшего сына и законного наследника рода, отказаться, как в свое время сделал царский сын Гераклит, от карьеры сеньора и уйти в монахи и стать в последующем ученым-теологом. Ж. Ле Гофф поэтому вполне справедливо отмечал, что в XII–XIII веках именно быстрорастущие монашеские ордена становятся теми культурно-инновационными институтами, которые вносят изменения, своеобразную модернизацию во все сферы жизни средневековой Западной Европы.

В монахи уходили, как правило, младшие сыновья сеньоров или незаконнорожденные бастарды, в основном молодые люди. Именно здесь они становились «корпоративными людьми», обретали идентичность индивидуальную и коллективную, по Эриксону, усваивали технологии и символы христианской культуры. «Средневековый человек всегда член группы, с которой он теснейшим образом связан. Средневековое общество

¹⁴ Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 289.

* Особенно *бастардов* – незаконнорожденных, что было повседневной практикой западноевропейского средневековья (тема многообразия браков в средние века требует особого разговора применительно к нашей проблематике).

¹⁵ Там же. – С. 263.



корпоративно сверху донизу. Союзы вассалов, рыцарские объединения и ордена; городские коммуны, гильдии купцов и ремесленные цехи; защитные объединения, религиозные братства; сельские общины, кровно-родственные союзы, патриархальные и индивидуальные семейные группы – эти и подобные человеческие коллективы сплачивали индивидов в тесные микромирки, дававшие им защиту и помощь и строившиеся опять-таки на основе взаимности обмена услугами и поддержкой»¹⁶. Но монашеские ордена давали им возможность не только обрести корпоративную идентичность средневекового человека, но и канализировать свою витальную энергию на путях реформирования и цементирования средневековой европейской цивилизации.

Мы в свое время отмечали, что в средние века христианская церковь была не только институтом традиции, но и инновации¹⁷. На наш взгляд, совпадающий с точкой зрения Ж. Ле Гоффа, *инновационным потенциалом* в средние века обладали именно *монашеские ордена*. И связываем мы это с постоянным притоком в них молодежи. Монашеские ордена формируют *официальную культуру молодости средних веков*. Однако, именно в средние века впервые заявляет себя контркультурный, антисистемный элемент, который связан не только с народной фольклорной культурой, но и вырабатывает собственные способы деятельности и знаково-символические системы.

Л.Н. Гумилев, опираясь на свою теорию пассионарности, указывал на активные этнические элементы, «пассионариев» (купцы, клирики, сектанты, рыцари-бароны, пираты-викинги и разбойники), которые задавали социокультурную динамику средневекового корпоративного и иерархизированного мира и обладали большим культурно-инновационным потенциалом: эти «молодые люди, – писал он, в частности, о викингах, – не хотели жить дома, а хотели заниматься всякого рода безобразиями»¹⁸. Все они не только этнические, но и социальные, и культурные маргиналы. Это наводит нас на мысль, что практически в любом обществе, в том числе и традиционном, определенная часть молодежи закономерно не вписывается в социализацию доминирующей культуры и вынуждена искать свои, обходные, порой деструктивные пути идентификации и аккультурации. Такой подход позволяет, на наш взгляд, посмотреть на проблемы субкультурности и контркультурности молодежи индустриального и постиндустриального общества с позиций *универсальности* как самой *культуры молодости*, так и ее антисистемных формообразований. Контркультурные элементы в периоды социокультурных стагнаций или устойчивости находятся на периферии цивилизаций, а в периоды кризисов и революций выходят на первый план, порой и порождая эти социокультурные катаклизмы.¹⁹ Особую роль в этих процессах играют способы знаково-символического манифестирования молодыми маргиналами собственной идентичности и культурной позиции. Так, сектанты за символы своей веры и своих лидеров-символов готовы были идти на смерть подобно тому, как и крестоносцы-рыцари, защищавшие святыни Господа, только часто их символические миры имели обратные знаки культурной и жизненной валентности.

Но не одни викинги-завоеватели и сектанты-разрушители, как носители средневековой контркультурной энергии молодежи, задавали *инновационную динамику средневековья*. И не только монахи были носителями позитивной социокультурной и жизненной энергетики. Была и позитивная, предпринимательская энергия *молодых купцов* (а старик и не мог отправиться за тридевять земель!), которая двигала средневековье по пути экономического и технологического прогресса, подготавливая капиталистический переворот.

Особенно нам хотелось бы остановиться на культурной роли университетов и студенчества в жизни средневековья и последующих эпох, вплоть до наших дней. Хотя прообразом университетов можно считать и античные философские школы типа платоновской Академии, и византийские патриаршие и императорские школы (одна из них возникла еще при императоре Феодосии II в 425 г. и стала называться «Аудиториум», с сере-

¹⁶ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 200.

¹⁷ См.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997.

¹⁸ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990. – С. 87.

¹⁹ Подробнее см.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997.

дины IX века ее называют Магнаврой, по названию одного из залов дворца императора), и арабские учебные заведения в крупных городах, но собственно университет со всеми его технологиями деятельности и статусно-корпоративными символизациями – продукт западного средневекового мира.

Средневековые университеты своим возникновением обязаны тем же монашеским орденам, которые не только взяли их под контроль, но зачастую и способствовали возникновению и развитию. В дальнейшем орден францисканцев, как и орден доминиканцев, был включен в жесткую иерархическую структуру католической церкви, возглавлялся главою, который по военному назывался «генералом», как правило, ведущим богословом, философом и культуртрегером своей эпохи (например, после Франциска Ассизского через какое-то время генералом ордена стал Бонавентура). Во многом деятельности монашеских орденов мы и обязаны появлением классических западноевропейских университетов, которые сразу же включились в конкурентную борьбу за влияние на новом «образовательном пространстве». Фома Аквинский, молодым человеком ушедший в монахи доминиканского ордена, а затем возглавивший университет в Париже, стал символом инновационного духа переустройства средневековой католической Европы.

Но университеты, как и само студенчество и преподаватели, несли не только цементирующий фермент в дух эпохи, но и закладывали инновационный потенциал преобразований. Эти университеты, в отличие от школ, имели гораздо более светскую направленность, что отчасти связано с активизацией городской жизни, укреплением власти королей, феодалов и бюргеров (власть пап и епископов становится уже не столь всеобъемлющей, более отодвигаясь в сферу институализации культуры). Светское образование становится и необходимым, и возможным. Инновационный потенциал заключался не только в рационализме схоластики и критических методах проведения занятий (диспут, семинар), но и в способах идентификации и символических формах манифестации членов университетской корпорации, взрывавших сами принципы существования традиционной крестьянской и официальной церковной культуры.

Ж. Ле Гофф писал: «Город чаще всего нарушал эти традиции изначальной солидарности. Впрочем, и в городах можно было найти следы этих обрядов (по типу инициации – авт.): инициации новичков – «желторотых» студентов и школьников (*bejaunes*), призванные очистить их от «сельской дикости». Возможно, здесь прослеживается связь между собирательным именем французских крестьян – Жаки, бытовавшим в конце Средневековья, и именем (*Zak*) – Як, которым в Польше обозначали студента-новичка. Такими обрядами были и инициации молодых учеников, вступающих в компаньонаж – союз подмастерьев, где новичку предписывалось совершить большое путешествие (*Grand Tur*), и инициация молодых юристов, вступающих в Базошь – корпорацию судебных клерков.

Однако Ж. Ле Гофф не обратил внимание на то, что в эти инициации средневековой субкультуры молодости врывается и преобразовывается жизненная стихия народной смеховой культуры, привносящая в жизнь студенческой (и ремесленной молодежи) формы антиповедения и контркультуры. Но это очень тонко подметил М.М. Бахтин.

М.М. Бахтин, исследуя несколько более поздние трансформации смеховой западноевропейской культуры, отмечал громадное значение школьных праздников и рекреаций: «Веселая рекреативная литература школяров во времена Рабле уже поднялась в большую литературу и играла в ней существенную роль. Эта рекреативная литература была также связана с площадью. Школьные пародии, травести, факетии, как на латинском, так в особенности на народных языках, обнаруживают генетическое родство и внутренне сходство с площадными формами. Целый же ряд школьных увеселений непосредственно проходил на площади. Так, в Монпелье во времена Рабле в праздник королей студенты совершали карнавальные процессии, устраивали танцы на площади. Часто университет ставил моралите и фарсы вне своих стен»²⁰. Сюда же восходит не только студенческий смех, но и традиция обильной студенческой выпивки, которые дожили и до студенческо-богемной культуры XIX–XX веков и современной молодежной контркультуры, прибавив к ритуальному пьянству употребление наркотиков, а к народному эросу средневековья, идеологию и мораль сексуальной революции наших дней.

²⁰ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990. – С.172-173.



Поэтому С.С. Аверинцев закономерно отмечал, что уже в эту эпоху монашеский аскетизм и рациональные принципы христианской этики и антропологии, развитые в богословии и философии Фомы Аквинского, столкнулись с волей общества к естественности и раскованности: «Уже в XIII в. схоласт, – пишет он о Фоме Аквинском, – учащий от имени ортодоксальнейшей христианской этики, считается со здоровой жизнерадостностью мирян и озабочен не тем, как ее изгнать, а тем, как поставить ей благоразумные пределы... Аскетический императив христианства и антиаскетическое настроение общества приходят к договоренности на основе принципов «меры» и «благоразумия».²¹ Фома Аквинский прокладывает дорогу Франсуа Рабле, а эпохи средневековья и Возрождения, развивая веселую витальную энергию молодых людей, закладывают революционный заряд под свою культуру, провоцируя реформационный взрыв.

Интересно, что протестантская Реформация не только постаралась пуританской моралью подавить эротизм народной культуры средневековья, но и заложила в эти культурно-антропологические пласты новые конфликты, которые и привели к последующим взрывам молодежного активизма в эпоху индустриальных, «буржуазно-демократических» и тоталитарных революций, а на переходе к постиндустриальному обществу породили бунтарскую молодежную контркультуру (прежде всего, студенческую – и все началось в Сорбонне!) и фейерверк молодежных субкультур, в том числе и инкорпорированные в коммерциализированную массовую культуру наших дней.

Итак, мифологические ритуально-символические практики инициации становятся одной из основных идеально-информационных форм субкультурного кода детства и юности, дошедшей в превращенных, имитативных и симулятивных формах вплоть до наших дней и входящий в субкультуры детства и молодости общества модерна и постмодерна.

В субкультурные коды детства и юности античность вводит сложную символику оппозиции «учитель – ученик», вмещающую как консервативные, так и инновационные смыслы, а средние века и Возрождение вносят *эзотеризм тайных обществ* (монашеские и рыцарские ордена, студенческие корпорации, мистические сообщества и гностические секты), которые до сих пор задают парадигмы существования многих современных молодежных субкультур (особенно религиозной или оккультной ориентации).

Вместе с возникновением инновационного научного и предпринимательского общества модерна (Нового времени) собственно и возникают *развитые коды* детства и молодости, субкультуры детства и юности, порождающие в последние столетия собственно детскую и молодежную культуры. Детская и молодежная культура эпохи модерна и постмодерна – это и есть *ювенильная культура* «в себе и для себя», вобравшая многообразие знаково-символического, возрастного жизненно-стилевого поведения предшествующих столетий, заложенных в соответствующих субкультурных кодах.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – Л., 1977.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
3. Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. – Волгоград, 2004.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.
5. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992
7. Досократики. Дозлеатовский и элеатовский периоды / под ред. А. Маковельского. – Мн., 1999.
8. Словарь античности: Пер. с нем. – М., 1989.
9. Солопова М.А., Шичалин Ю.А. Пайдеия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 3. – М., 2001.
10. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. – М., 1972.
11. Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997.
12. Розин В.М. Человек культурный: Введение в антропологию. – М., 2003.

²¹ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – Л., 1977. – С.23.



13. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. – М., 1969.
14. Марру А.-И. История воспитания в античности: (Греция). – М., 1998.
15. Эрикссон Э. Идентичность: Юность и кризис. – М., 1996.
16. Козьякова М.И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до 20 века. – М., 2002.

METHODOLOGY OF SUBCULTURES STUDIES IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES. PAPER 3. CULTURAL AND HISTORICAL IMAGES OF YOUTH AND CHILDHOOD SUBCULTURES (ANTIQUITY AND MIDDLE AGES)

M. M. BELOUSOVA¹⁾

O. V. KOVALCHUK²⁾

V. P. RIMSKIY³⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail:

belousova@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail:

kovalchuk@bsu.edu.ru

³⁾ e-mail:

rimskiy@bsu.edu.ru

The paper follows up the authors' original study of cultural evolution of childhood and youth phenomena, regarding them as specific historical subcultures emerged and developed in the definite cultural and civilizational systems of Antiquity and Middle Ages.

Key words: antic paideia, Christian education, childhood and youth subcultures, subcultural codes, age symbolizations, generational cultural and historical dynamics, institutions of cultural innovations.